

С кем умом поделиться -2 / повесть

Category: Kitapcy, Powestler

написано kitapcy | 22 января, 2025

С кем умом поделиться -2 / повесть

Рассказывает Шаназар-ага:

Старость, черт побери, – это сплошные огорчения. Сил никаких не осталось, одни желания да намерения. Да еще воспоминания о том, что творил в молодые годы. Хотя и им теперь, черт побери, не порадуешься. Вспомнишь и расстроишься – вот бы вернуть те денечки! Видно, не от хворей человек умирает, а от того, что не дано его мечтам исполниться. А если еще, черт побери, окажется, что дело, которому все свои силы отдал, выведенного яйца не стоит?!. Про таких, видно, и говорят, что неуспокоенным, с открытыми глазами помер...

Лет двадцать назад слух до меня дошел, что в самый дальний район дорогу тянуть решили и теперь людей ищут, кто на этой стройке работать согласен. Бросил я, черт побери, свою чабанскую ярлыгу и пошел в дорожники. Отцы и деды наши дороги источником достатка называли, тех, кто строит их, почитали. И мы себя не щадили, чтоб народ наш, который ничего кроме пыльных проселков прежде не видел, мог современной дорогой на машине ехать, куда ему заблагорассудится. Но техники-то, черт побери, мало было. Вручную холмы да бугры не очень-то сроешь. Вот и тянули дорогу не как короче, а как полегче. Бархан – огибаем, на село вышли – опять огибаем. А некоторые башлыки, из тех, черт побери, горластых, чьим криком, как говорится, джугару изжарить можно, даже через свои поля дорогу прокладывать не давали...

Мы-то что – работали, старались, себя не щадили. На месяц раньше срока закончили трассу. Наградили многих, меня орденом Трудового Красного Знамени. Так я его, черт побери, теперь не ношу, никому не показываю и даже не говорю, что он у меня

есть. Я вам так скажу: ничего на свете страшней нет, чем стыдится награды, которую за свой честный труд получил и которую теперь, черт побери, от людей прятать приходится!

Когда случается теперь той дорогой ехать, так от стыда сгореть готов. Хотя, если по совести, то краснеть не я должен, а те, черт побери, кто эту дорогу проектировал, согласовывал и утверждал. Но ведь чаще всего так и бывает, что стыдно не вору, а обворованному...

Когда иной раз едешь в рейсовом автобусе, а он, черт побери, точно ступа, в которой все твои косточки в пыль истолочь хотят, так только и слышишь, как пассажиры клянут дорожников. Да, небрежность прежних лет теперь болью отдается. Если уж строить, так сразу надо было и тянуть прямо, и все колдобины засыпать! А теперь, черт побери, не дорога, а сплошные латки. Тут – заплата, там – заплата, но от них толку мало. Где заплата, там вода себе все равно, черт побери, щелочку найдет. Полгода не пройдет – надо снова латать. Из-за того, что все время ремонтом заняты, и новое строить, черт побери, некогда!

Я бывает задумаюсь: так жизни наши тоже, черт побери, как эти дороги. Вот Тойджана, к примеру, взять. Почти всю жизнь людьми руководил. И ни с каким делом, что поручали ему, не справился. Разве таких мало? Он хоть сам сознается:

– Поверь, Шаназар-ага, – говорит, – ни к какой я работе не приспособлен. Копать не могу – устаю быстро. Штукатурить – тоже не могу. За что ни возьмусь – все из рук валится. И где служил, там тоже, откровенно говоря, ничего толково сделать не мог. Ничего не могу. Сына – и того в тюрьму посадили... Вот такой я чурбан! Единственное, чему научился, так это – складно болтать, да еще умею подать себя перед начальством. Теперь порой подумаю, какой высокой должности смог достичь, – даже дух захватывает!...

Работает Тойджан, себя не жалея. Но только ему норму наравне с нами не вытянуть. Даже ночью иной раз приезжает, черт побери, гравий рассыпать. Утром, смотришь, он бледный, как полотно, пот градом катится, а все лопатой махает.

– Черт побери, зачем ты себя, Тойджан, так мучаешь?!

– Две недели, – говорит, – обузой вам был, пока в больнице

валялся. Хватит, не хочу больше дармовой хлеб есть. Уж лучше сдохнуть!..

Это, черт побери, запросто! Покидал еще полчаса гравий, за сердце схватился и упал. «Скорая» увезла. Только «скорая помощь» разве ему поможет? Это только говорится, что сердце больное, на самом-то деле у него совесть болит.

Да, Тойджана понять не просто. И вообще, кого, черт побери, легко понять?! Люди даже не стараются сблизиться. Сосед с соседом отношений не поддерживает. Туркмены, которые никогда дверей не запирали, теперь, можно подумать, так разбогатели, что, черт побери, по три-четыре замка на дверь навешивают.

Замков да засовов теперь столько – не пересчитать!

Вот, сын Непеса Токар той в честь рождения дочери устраивал. Народу – полно, а сплошь – не знакомые люди. Соседей – ни одного!

Что тут скажешь?

Да и кому, черт побери, нужны твои советы?!

Теперь все люди умные – ты им только поддакивай. У всякого своя правда. Никогда прежде, скажу я вам, ум такой бесполезной вещью не был, как в нынешние времена.

Вот Бехбит!.. Или Бақы... Почему-то сторонится он нас, да и не только нас. Станный, черт побери, парень! Нет у него ни слов своих, ни мыслей. Что говорить, что делать – все ему подсказать надо! Больно, черт побери, смотреть, что среди молодых все больше таких, как он, становится. Что это мы с детьми нашими сделали – уж слишком они все пугливые да осторожные?..

Или Силь, вот тоже – человеку, точно собаке кличку придумали. Ну, что сказать?.. Конечно, Аллах людей разными делает, но нельзя же, черт побери, быть таким безразличным ко всему! Ему и соврать ничего не стоит! «Мы, – говорит, – детей своих врать с самого рождения учим, когда к соске-пустышке приучаем. Вместо груди материнской резинку в рот несмысленшу сунут, ребенок почмокает и заснет. Как же ему потом правдивым человеком вырасти? Вот и я так, с пустышкой во рту врать с детства научился!» Это он, конечно, комедию ломает. Ему же за сорок, в ту пору пустышек и в помине-то не было.

В таком возрасте ни очага своего у человека, ни семьи нет. Даже думать о будущем не хочет. Наплодил, черт побери, сирот по белому свету, и живет не тужит. Опять какую-то бабенку обхаживает – Бехбит видел. Не признается. Говорит: «Нет, дорогие соратники, теперь я с вами до самой смерти вкалывать буду. Уж очень вы мне полюбились. Ну, в крайнем случае, схожу к прежней жене!». Балабол!.. И что, черт побери, женщины в нем находят?!

Хотели мы помирить его с женой. Но эта женщина наотрез отказалась. Говорит: «Надоел мне этот брехливый дурак!». Дочка их старшенькая в первом классе учится. Одежка на ней плохонькая была. Вот мы скинулись и купили ей новую форму и косыночку. Девочка обновки увидела, глядит на нас, а глазенки слез полны. Ребенку-то ласка требуется. Отцовская ласка. Вот чего ей, черт побери, не хватает. Девочка уже вещи взяла, да Бехбит все испортил.

– Бери, – говорит, – ласковая, это папа тебе купил.

Малышка в лице переменялась. Обновки бросила на пол, к матери прижалась. А та говорит нам сквозь слезы:

– Больше сюда не приходите. Дружкам этого проходимца в нашем доме делать нечего.

Ну, что, черт побери, ей ответишь?!

Говорят, общество у нас справедливое. Но разве справедливо, что развратники, разрушающие семью, как наш Силь, что люди, думающие лишь о собственной выгоде, которые на той зовут нужных людей да начальников, а соседей и знать не желают, вроде Токара, не несут, черт побери, никакой ответственности. За то, что продавщица на трояк обсчитала, могут в тюрьму посадить, а тех, кто на сотни тысяч государству ущерб нанес, кто детей на сиротство обрекает. кто...

Что, опять поучаю?!

Продолжает Токар:

Шофер мой, Аман, хотя у него уже внуки, обращается ко мне на «вы», как старшему «ага» говорит. Каждый день первым здоровается, спрашивается о здоровье. Если перейду на другую работу, с собой его возьму.

– Шеф! – Когда Аману надо что-нибудь от меня, он всегда так

говорит. – Шеф! Просят три машины гравия. Вы уж помогите.

– Посмотрим...

Сказать по правде, осточертела мне эта работа. Скорей бы институт закончить. Ведь сколько можно на грузовике трястись?! Говорят, стыдно за должностями гонятся. Кому стыдно, пусть как хочет живет. Я не хуже тех, кто должности хорошие имеет, персональные машины. Недостатками они, может, меня превзошли, а вот заслуг против моего у них нисколько не больше. Просто повезло людям.

К примеру, чем Байрам Абдыевич лучше меня? Тем, что больше рубах сносил или хлеба съел побольше?.. Ни организаторских способностей, ни грамотности особой. Какое у него образование? Как и я, техникум закончил, к тому же заочно. Простейшую формулу « $L = a + tv + cv$ »¹ разобрать не мог. Так бы и умер, наверно, не зная, с чем ее едят, если бы я не объяснил. И ничего, разъезжает себе на ГАЗ-69. А говорит он как? Двух слов на собрании сказать не может. Стоит, заикается...Стыдно слушать! Поучился бы у Алты Ореевича – вот у кого ораторские способности!

Трясусь в кабине грузовика и думаю о том, как все-таки жизнь несправедливо устроена. Настроения, ясное дело, никакого. А Аман все поет. Чего ему не петь. Три машины гравия сбросит налево, небось у него в кармане кое-что зашелестит...

В конторе четыре машины асфальтобетона выбил, послал на участок, Амана отправил за гравием, а сам пошел к Байраму Абдыевичу.

– Байрам Абдыевич! Дочка Ляле плачет, зовет «дядю Байрама». Видеть вас хочет, соскучилась.

– Растет, значит... – Расцвел старик. Конечно, кому лезть не по душе?

– Знаете, Байрам Абдыевич, я вам вот что скажу. Сосед у меня один имеется – так, старичок-с-кулачок, – так он все твердит, что «кончились прежние дружеские застолья, сердечных отношений между туркменами не стало»... Честное слово, Байрам Абдыевич, когда вас приглашаю домой, а вы меня все «завтраками» кормите, ей-богу, думать начинаю, что прав этот старикашка.

– Как дела на участке, Токар?

Ну, старый ишак! Ничего, кончится твое время! Тогда не дожدهшься, чтобы тебя хоть кто-нибудь в гости пригласил.

– В общем, ничего... Вот только Тойджан Деркарович опять в больнице. Хорошо бы провести его коллективно.

В обед начальник, Ильджан Деркарович, главный инженер, я и еще двое из профкома в больницу отправились. Алты Ореевич тысячу отговорок придумал, чтобы не идти. Меня в сторону отозвал, шепчет:

– Глупость совершаешь, Токар. Нечего ходить к замаранным. Смотри, и к тебе грязь пристанет!

Ничего, жизнь еще покажет, кто глупей!..

Когда целой делегацией к нему пришли, Тойджан Деркарович очень обрадовался.

– Извини, Тойджан, – Байрам Абдыевич говорит, – мы и не знали, что ты в больнице. Хорошо, Токар подсказал.

– Побольше бы нам такой молодежи, как Токар. – говорит Тойджан Деркарович. – Завидую его умению заботиться о коллективе, о каждом человеке. В день по два раза о здоровье спрашивается. А ведь на свете нет ничего дороже внимания, сердечного участия. Да. И грамотный парень к тому же. Вы послушайте, как он о дорогах говорить может. Ты, Токар-джан, не красней, я истину сказал, славу богу, жизнь меня научила в людях разбираться. Ты, Токар, способен принести большую пользу нашему народу. Только трудностей не бойся, ради дела...

Ну, не стану все пересказывать, что Тойджан Деркарович говорил – он там целый доклад сделал. В контору вернулись – Алты Ореевич навстречу. Откровенно говоря, я при Байраме Абдыевиче стараюсь от него в стороне держаться. Но тут прямо припер меня.

– Токар, загляни ко мне на минуточку. Дело есть!

– Говорите, если есть, что сказать. Какие секреты от Байрама Абдыевича и Ильджана Деркаровича?

Потом на участок смылся, но Алты Ореевич там меня нашел. На своем «жигуленке» приехал. Гурия его на заднем сидении устроилась. Морду в сторону воротит, в окошко глядит – меня, видите ли, застеснялась.

– Ты что, Токар, от меня бегаешь?

– Я?!. Да, старик, сами знаете, терпеть не может, что я с вами, Алты Ореевич, в хороших отношениях. Говорит, нечего в конторе толкаться, ступай на участок.

– Ладно, Токар-джан. Устал я что-то. Решил развеяться. Поедем, отдохнем. Тетке твоей позвонил, сказал, что у тебя сегодня день рождения, когда вернусь, не знаю. Ты имей ввиду. Потом... Если из конторы кто спросит – я был у тебя на участке, только что уехал, понял?. Да, Токар-джан, просьба одна: деньги, понимаешь, в сейфе забыл. Ты четвертак или тридцаточку мне займи. В получку отдам.

– Что за разговор, Алты Ореевич. Отдавать вовсе не обязательно.

Вот так, тридцатка – тю-тю! Все, что заработал сегодня. Говорят, я много здесь имею. Иметь-то имею, да только деньги, как вода сквозь пальцы, текут.

Ничего, Алты Ореевич, стану начальником – не посмотрю, что у тебя родственников много, связи кругом – лишнего дня с таким прохвостом работать не стану. Одной моральной нечистоплотности хватит, чтобы ты близко ко мне подойти не мог. Ты только в институт устроиться помоги!

Ближе к вечеру председатель одного колхоза заехал – имя называть воздержусь! – в гости пригласил. На его машине поехали.

Газик!

Новенький! Все сверкает!

Продолжает Баки:

Я уж не знаю, где такие жесткие доски нашли, чтоб сидения для нас в кузове сделать. Если рытвина какая на дороге, то так тебя по одному месту припечатает, что из глаз звезды посыпятся. Только очухаешься после одной колдобины, как машина уже в следующую угодила. Шаназар-ага впереди сидит, в борт вцепится, глаза закроет и молит аллаха, чтоб позволил нам быстрее до места добраться. И если уж совсем плохая дорога, начинает кричать на шофера нашего Амана.

– Эй, братишка, ты же не дрова, а людей везешь. Нельзя что-ли

помедленней? Задница скоро, черт побери, как орех расколется! Но Пузан разве его слышит?! Еще, как нарочно, только Шаназар-ага кричать начнет, машину так потряхнет, что старик чуть за борт не вылетит. Приземлится, побряхтит и скажет:

– Ну, все, братишка, теперь жми на полную катушку – беречь уже, черт побери, нечего. – И к нам обернется, – Эх, парни, не зря говорится: что посеешь, то и пожнешь. Можно сказать, у нас сейчас жатва, щедрый урожай собираем. Так что терпите.

Это он нас подбадривает.

До объекта нам мимо шлюза ехать. Там домик водного объезчика, возле него дорога как раз на колхоз «Социализм» сворачивает. И как едем, у поворота всегда пацаненок стоит. Грязненький, сопливенький... Года на два, наверно, старше моего Мерданчика. Босьяком, простоволосый... Не играет, ничего не делает, стоит и на дорогу смотрит.

Однажды Курбан не выдержал:

– Чем это интересно его мать занимается, если ей даже умыть дитя некогда? Что это за мать такая? Разве может быть у женщины забота важнее, чем за детьми смотреть?!

– В погоне за лишним рублем люди совсем детей своих забыли, – поддержал его Шаназар-ага.

Позавчера старик заставил Амана-Пузана машину остановить, пошел к обходчику и отругал его за то, что ребенка на дорогу без присмотра выпускает. Только тот, видно, безразличный человек. На другой день едем: мальченка где стоял, там и стоит. Вот сегодня не обратил внимания, сегодня мы все пытались Курбана успокоить.

Курбан так раскричался, будто это мы виноваты. Если бы не Шаназар-ага и Бехбит, разорвал бы, наверно, Стиля в клочья.

У каждого, конечно, свои заботы. Одним, пожалуй, и дела нет до того, отчего это дорожники так раскричались, другие глянут удивленно и дальше по своим делам едут.

Вон, «Волга» белая мчится. У водителя лицо всегда хмурое, вечно чем-то озабочен. Рядом жена сидит. Он не то, что на нас, на нее не взглянет. На дорогу только смотрит, торопится. Ему жену на базар забросить надо, а потом еще к себе на службу успеть. В райпо работает. Наш Тойджан его знает. Как-то даже

имя называл, только я запомнил. Вечером, когда мы домой собираемся, он обратно проезжает. У жены лицо светится: сразу видно, что торговля хорошей была. Да и он, наверно, тоже радуется, но только виду старается не показывать. Сейчас таких, у кого лицо словно маска, полным-полно стало.

После этой «Волги» должен проехать коричневый «Москвич». Машина старенькая, полным-полна детей. Как покажется она, мы все работу бросаем. Больше всех, завидев ее, радуется Шаназар-ага. А тот, который на «Москвиче», всегда поприветствует нас: сбросит скорость, посигналит, кивнет и улыбнется обязательно. А детишки ручками нам машут, «здравствуйте» кричат и смеются. Глядя на них даже мрачный Курбан лицом светлеет.

У этого человека на днях одиннадцатый ребенок родился, и каждое утро он вместе с детьми ездит в роддом проводить жену и малыша. Вчера остановился возле нас. Детишки выстроились и хором прочитали стихотворение. Представляете, о дорожниках! Я даже не знал, что о нас стихи есть. Шаназар-ага, глядя на детей, чуть не прослезился. А потом старшая девочка – у нее длинная коса и в косе ленточка – станцевала перед нами. Прямо на свеженьком асфальте, он даже еще не остыл как следует.

Мы целый день этот концерт вспоминали. И дома я о нем рассказал. Ведь человек должен делиться тем, что у него на душе, тем, что его радует и что печалит. Конечно, тут тоже предел должен быть. Нельзя же, как Ялкаб – сосед мой, он все, что днем было, что делал, что говорил, вечером обязательно своей жене в точности докладывает. Шаназар-ага верно говорит: «Есть разговоры, которые надо пересказывать, но есть, черт побери, и такие, о каких лучше не распространяться!». Ялкаб этой разницы не видит. А у женушки его язык, между прочим, что смерч – тоже никаких преград не знает. Все, что от мужа услышит, готова первому встречному рассказать. Иногда утром скажешь что-нибудь Ялкабу, а вечером моя жена слово в слово все это повторит.

Иной раз даже предупрежу его, смотри, жене не говори. Так вечером моя жена начнет допытываться, почему ты Ялкабу сказал, чтобы он жене не говорил. Упрекнешь Ялкаба, что он лишнее жене болтает, так на другой день это уже всему поселку известно.

Как-то Ялкаба жена моей ультиматум предъявила: у мужа и жена – одно сердце, одна голова, никаких тайн между ними быть не должно. Если появятся у них друг от друга секреты, так, считай, семья уже не семья. Пусть, говорит, твой муж перестанет наш очаг, нашу дружбу разрушать!

Нет, вы только подумайте – я ее очаг разрушаю! А моя жена эту мысль, между прочим, поддерживает. «Если тебе, Баки, так уж надо с кем-то поговорить, так ты лучше со мной посоветуйся. Подумаем что и как. Все мужчины так поступают».

Ладно, отвлекся я. После коричневого «Москвича» обычно салатного цвета «Волга» едет. Медленно. Водитель на нас не взглянет. Как с объезда на асфальт выедет, машину остановит, тряпочкой пыль сотрет. Потом отойдет в сторонку и перед тем, как дальше в город ехать, полюбуется своей «Волгой».

Город наш, а точнее городок, кучу людей кормит из тех, что селу не прились. Должности там у них хорошие, и оклады, видать, неплохие, если даже на «волги» хватает.

После салатной «Волги» приехал председатель колхоза «Социализм». Вышел из своего «газика», поздоровался с нами, работу нашу осмотрел.

– Вы, товарищи, большое доброе дело для нас делаете, спасибо вам. Измучались мы без дороги.

Курбан вытер пот со лба.

– Ты, башлык, Токару спасибо скажи, – Сразу видно, что он без настроения.

– А кто это?

– Ты Токара не знаешь?! Бригадир наш.

– А-а... И Токару спасибо.

– Ты это ему сам скажи.

– И ему скажу. Только, что ни говорите, – работу-то вы делаете, – председатель улыбнулся.

– За работу зарплату получаем. Бесплатно теперь и травинка не колыхнется. Работать не будешь – с голоду сдохнешь. Семью-то кормить надо!

– Да перестань ты, Адыш! – Стиль аж зубами закрипел.

– Ты мне рот не затыкай! Что кричишь?.. Я что, от твоего хлеба отказался?! И еще. Имя мое нечего коверкать. Меня Курбан

зовут.

– Товарищи, товарищи! – напомнил о себе председатель. – Я собственно приехал узнать нет ли в чем недостатка. Что привезти вам? Может, проблемы какие? Если надо что, скажите.

– Мы, башлык, ни в чьей помощи не нуждаемся. Дай бог, чтоб все заработанное нам досталось, – этого хватит.

– Курбан-джан, что ты все говоришь, говоришь, дай и нам слово сказать, – вмешался в разговор Бехбит. – Спасибо, товарищ председатель, за участие. Нам ничего не требуется. Главное, утречком жене угодить, а уж она потом столько соберет, что еле несешь.

– Молодец, Бехбит! Шуточное ли дело в твоём возрасте каждый день жене угождать, – осклабился Силь.

Председатель поторопился уехать. Пожал каждому руку, залез в свой «газик» и укатил по новой дороге.

Я глянул на Шаназара-агу. Он кряхтел и развязывал свой кушак – похоже, его снова стала донимать мигрень. Я отправился готовить чай.

– Багыш, – окликнул меня Силь, – иди сюда. Пусть тот чай готовит, из-за кого у Шаназара-аги голова разболелась! Адыш, ты что, оглох?! Иди, кипяти воду.

– Я тебе не Адыш! – набросился на Стиля Курбан. Они бы сцепились, если бы не Бехбит. Да тут как раз привезли четыре машины асфальта.

Силь все не хотел оставить Курбана в покое. Правда, Адышем на этот раз он его обзывать не стал. Испугался, может. Крикнул без имени:

– Эй, тебе придется работать и за Шаназара-агу!

Курбан взорвался:

– Клянусь Аллахом, еще слово скажешь – убью!

Шаназар-ага любит приговаривать: «Работай – как раб, гуляй – как бек!». Вот так мы и вкалывали до обеда – с асфальтом волянить нельзя.

В организациях, конторах, вроде нашей, люди, как мне кажется, не придают большого значения полуденной трапезе. Перекусят наскоро и займутся своими делами. У нас не так, хотя Шаназар-ага любит повторять, что много чая пьют там, где мало

работают. Это верно. И у нас иногда бывают дни, когда делать нечего. Нет асфальта, вот и приходится глушить чай с утра до вечера – что поделаешь?

Дежурному в такие дни достается. Мы ведь по очереди дежури́м, сегодня – я, завтра – другой. Дежурный еду разогревает и следит, чтобы всегда был кипяток для чая.

Шаназар-ага не любит дежурить. Его тяготит даже обязанность чисто подмести место, где будем обедать. «Ладно, ребята, садитесь, – уговаривает он нас. – Чересчур привередливые вы, черт побери! Отряхнитесь потом! На войне люди сидят, где попало, лишь бы пули и снаряды на голову не сыпались!» А Курбан говорит: «Больше всего на свете не люблю ползать на карачках, когда приходится чай кипятить, и томиться в очереди за билетами на самолет». Скажешь ему, что завтра его очередь дежурить, настроение у Курбана сразу портится, он бюллетень готов взять лишь бы чай не кипятить. Между прочим, в дни, когда дежурит Курбан, работы, как нарочно, бывает мало. И он, задыхаясь от дыма, до шести раз за день чай готовит, потому что Стилль назло ему выпивает столько, что лопнуть можно.

На этот раз только мы после обеда к работе приступили, как со стороны города показался коричневый «Москвич». Рядом с водителем сидела его жена с новорожденным на руках. Посигналив, машина остано-вилась.

– Друзья, завтра прошу на той в честь рождения сына, – сказал Сахат. – Обязательно приходите. Наш дом на улице, что вдоль арыка, сразу за магазином. Спросите, где Сахат-тракторист живет, – вам любой покажет...

– Долгих лет жизни твоему сыну! – сказал сразу повеселевший Курбан. – Придем. Обязательно придем! Вот удачно, как раз у меня завтра дежурство.

– Завтрашнее дежурство переносится на послезавтра, – объявил Стилль.

– Спасибо за приглашение, Сахат-джан, обязательно придем, – торопливо сказал Бехбит, видимо, опасаясь, что сейчас между Курбаном и Стиллем вспыхнет ссора.

Сахат-тракторист уехал, а мы все разом, как по команде, посмотрели на Шаназара-агу, не развязывает ли он свой кушак.

На этот раз пронесло – и мы облегченно вздохнули.

После обеда Токар прислал аж семь машин асфальта! Только самосвалы разгрузились, подъезжает легковушка. За рулем – женщина, да такая красивая, что рядом с ней голова без вина закружиться может. Выходит она из машины и улыбаясь смотрит на нас. Тут к ней подбегает Стил. Обнялись они и прямо у нас на глазах поцеловались.

Шаназар-ага проворчал свое вечное «черт побери» и отвернулся.

Женщина что-то говорила Стил. Тот кивнул ей и пошел к нам.

– Держи, Бехбит! – протянул Стил ключ от катка. – Мне сегодня другая работа предстоит. Прощайте!

– Ба, ба!... Ты что, не видишь, сколько асфальта привезли?! На катке кто работать будет?

– А кто хочет, тот пусть и работает.

– Стой, Стил. Отвечать будешь за этот поступок. По статье...

Стил его и слушать не стал. Сел в машину, и они укатили.

– Что, орлы? – сказал Шаназар-ага. – Заробели?

– Вы, Шаназар-ага, не подначивайте! Вы же нас знаете. Вы нас подбадривайте, воодушевляйте, а уж мы не подведем, – заверил Бехбит и, словно ища поддержки, посмотрел на Курбана.

– Что же это получается? – бормотал тот. – Вот мошенник, укатил к бабе. Как же он теперь нам в глаза смотреть будет?

Шаназар-ага, глядя на него, горько улыбнулся.

– Только я вот о чем вас прошу, парни, – сказал он. – Даже если устанем сильно, завтрешнюю работу откладывать не станем. Верно?

Это Шаназар-ага о заборе говорит. Я решил забор построить, вот ребята и согласились помочь мне в выходной. Мы всегда друг другу помогаем, если по хозяйству что сделать надо. Знаете, почему? Однажды Шаназар-ага пригласил трех-четырёх соседей, чтобы помогли залить фундамент под кладовку. И ни один из приглашенных не явился. Оказалось, что в тот же день завмаг, что живет на одной улице с Шаназаром-агой, времянку ломал, чтобы новый двух-этажный дом строить. И мужчины со всей улицы пошли завмагу помогать. Не стал Шаназар-ага во второй раз к соседям обращаться. Нас позвал. Вот с тех пор и повелось. Бехбит как-то сказал: «Хоть живем мы не по соседству, но

сердца наши бьются дружно и рядом!».

Шаназар-ага не одобряет моего решения забор ставить. «Опутали себя, черт побери, коконом, точно шелкопряды! Ну, к чему забор между соседями, да еще из жженного кирпича? Прежде у сельчан душа была просторной, что твоя степь, а теперь?.. Огородились, черт побери, со всех сторон заборами», – вот как он рассуждает.

Но без забора никак нельзя. Живешь, как на сцене, а соседи за каждым твоим шагом наблюдают. Легко сказать – плюнь!.. Жена Ялкаба нарочно дорогие вещи на нашей стороне развешивает, да еще сына своего сторожить их ставит. Специально дразнит! А куры?.. Куры их только на нашей стороне и гуляют, в свой курятник идут лишь нестись. Да и жена ворчит. Ладно, что бы Шаназар-ага ни говорил, будем в «коконе» жить!

А что, теперь все так живут.

Продолжает Шаназар-ага:

Сегодня у Курбана лицо хмурое, как, черт побери, зимнее небо. Дай-то бог, чтоб все хорошо кончилось. А началось с того, что Курбан сказал:

– Плохи дела, Шаназар-ага. Агейли (так его первенца зовут) в какую-то девчонку влюбился. Вместе учатся...

– Радоваться надо, Курбан!

– Чему мне радоваться? Девушка, в которую этот балбес влюбился, беременная. На пятом месяце.

– Ба!..

– Не горюй, Курбан! Дедом станешь – нечего панику поднимать, – сказал Бехбит.

– А ты знаешь, что ребенок от Агейли?

– Откуда мне знать?

– А не знаешь. так и не лезь со своими советами! Уму-разуму легко учить! Я бы таких!.. Башку свернуть мало! – Курбан сжал кулак и посмотрел по сторонам, точно искал кому бы тут свернуть голову. – Как мне идти ее сватать? Разве будет настоящим очагом тот, что создам для сына? Грязь в дом привести!.. Нет, не может быть, чтобы она от Агейли забеременела. Опутала небось моего балбеса, потаскуха

чертова!.. Ей лишь бы за кого уцепиться.

– Чего ты раньше времени «караул» кричишь?! Агейли что, маленький ребенок?.. Небось сам знает, что делает.

– Это – его знание?! – набросился Курбан на Бехбита. – Это, я тебя спрашиваю?

– Эй, что с вами? – Велика важность. Да сейчас полно дувушек, которые замуж выходят уже в положении. Тысячу случаев могу рассказать. Мода сейчас такая. – Стиль махнул рукой. – Раз уж так получилось, все! Иди свататься и той устраивай.

– Не стану, будь уж уверен, не стану! Тьфу! – на такого сына!

– Твое семя. Раз уж посеял – будь хозяином.

Даже когда на работу добрались, Курбан не сразу успокоился. Представляю, какой он, черт побери, дома переполох устроил. Потом асфальт привезли. Хорошая вещь – работа: болтать нет возможности. Разговоры прекратились. Мы с Бехбитом решили идти сватать эту девушку, и Курбан немного отошел. Что ему делать?!

Потом Токар с Тойджаном приехали. Лица у обоих сияют.

– Замечательная смена растет, Шаназар-ага. Я Токара нашего имею ввиду, почтеннейший. Недостаточно мы нашу молодежь ценим. Не поддерживаем ее. Вот, дал Токару рекомендацию в партию. И поговорил уже с кем надо. Токару расти нужно, вперед двигаться.

– Всю жизнь буду благодарен вам, Тойджан Деркарович!

– Ты меня не благодари, Токар. Это – мой долг, мой партийный долг. Поступи я иначе, нанес бы ущерб нашему обществу. – Тойджан полез в карман и достал пачку денег. – Я только что из больницы, Шаназар-ага. По дороге сюда завез меня Токар в контору, а мне кассир говорит, мол, зайдите, вам кое-что причитается. Токар, оказывается, зарплату выписал. Спасибо, конечно, но я ведь болел. Значит эти деньги не мои, а ваши. Разделите, Шаназар-ага, между ребятами. Кто заработал, тому пусть и достанется. Мне чужого не надо. Мне хватит того, что положено. Зарабатывать деньги надо в поте лица, да, честным, добросовестным трудом. Вот почему я Токару рекомендацию дал – умеет он работать.

Когда Тойджан деньги мне попытался отдать, Токар возмутился.

– Нет, нет, Тойджан Деркарович, – говорит, – это – ваша зарплата. Никому ее отдавать не надо.

– Нет, Токар, ты мне не перечь. Я хочу жить честно. И ты так жить старайся. Это мое напутствие тебе. Честным будь и людям помогай!

– Тойджан Деркарович, там, конечно, не много, но не гнушайтесь. Скоро премия будет квартальная, еще получите. Берите, берите себе! Вся бригада вам так скажет. Да для нас уже одно-то счастье, что вы, Тойджан Деркарович, с нами в одном коллективе...

Глядя, как Токар перед Тойджаном вертится, я Байрама вспомнил, начальника нашего. Когда сидели с ним... Да, вдвоем... А что здесь, черт побери, такого?!

В воскресенье я в город на базар поехал, только из автобуса вышел, слышу кто-то кричит «Шаназар!.. Шаназар!..» Думаю, кому я, черт побери, понадобился? Оглянулся, смотрю «газик» стоит, и кто-то машет мне рукой. Откровенно говоря, сразу я не признал, кто меня зовет. Но все же подошел. Смотрю – черт побери! – да это же наш Байрам. Раньше-то он полный был. А теперь похудел, осунулся. Только по голосу да по глазам и узнал его. А ведь, кажется, всего два-три месяца прошло, как он к нам на объект заезжал. Что такое, черт побери?! Оказывается, болел, больше месяца в больнице лежал. Пригласил меня к себе домой. Серьезно... Посидели, поговорили. Долго сидели. Потом Байрам меня домой отвез. На машине, к самому порогу.

Когда старуха моя узнала, где был, говорит: «Надо было у него должность просить!». У нас в роду, видишь ли, нет такого, кто бы, как сын Непеса, с директорской папкой ходил. Она мне, черт побери, все уши уже прожужжала: мол, неужели ты такой никудышный, что хоть над тремя-четырьмя шалопаями начальником быть бы не мог? «Если не увижу, как хоть один из моих сыновей из дома с директорской папкой выходит, не смогу, – говорит, – спокойно глаза закрыть перед смертью». Вот так, черт побери! А у нас четыре сына – рабочие на хлопкозаводе. О дочерях я уж не говорю. Но и зятя... Шесть зятьев – и ни одного, черт побери, с

директорским портфелем!

Без поддержки эту заветную папку захватить не просто. Если бы хоть кто среди наших родственников в кресле сидел, тогда другое дело. Как, черт побери, шалопаи и придурки разные должностей высоких добиваются?! И чтоб сыновья начальника какого, будь он хоть на самой никудышной должности, лопатой, как я, махали или вместе с сыновьями моими рабочими на хлопкозаводе работали – этого я тоже не видел. Хотя я, откровенно говоря, свою котомку, в которой обед на работу ношу, ни на какой портфель не сменяю!

Что?.. Опять в другое русло свернул?!

Непес, сосед мой, всю жизнь в колхозе, что рядом с нашим поселком, зампредом был. Вот и исхитрился сыну должность добыть: теперь его Токар над нами начальник. Бригадир!.. Воспользовались, черт побери, тем, что у Бехбита в бумагах непорядок обнаружился. Бумаги они и есть – бумаги! У каждого слабина имеется! Вот, взять Бехбита, в бумагах он, откровенно говоря, – слабак. Нацарапает что-нибудь, а потом сам разобрать не может, просит Курбана прочитать, что написано. А тому что, бойко читает, а так там или не так, кто, черт побери, разберет. Зато говорить наш Бехбит – большой специалист, его хлебом не корми – дай поговорить!

А Токар не такой. Он лишнего слова не скажет, а вид у него такой, будто говорит вам: а ну-ка, догадайтесь, если сможете, что у меня на уме! Он, черт побери, будто уже во второй раз в наш мир сумасшедший пришел, все ходы-выходы знает. «Сынок, не водись ты с Алты Оре, – говорю я как-то Токару по-соседски. – В мире ничего тайного нет. И о ваших делишках люди знают. Потом сожалеть поздно будет. Ты бы лучше с Байрамом посоветовался. Он много в жизни видел, да и человек порядочный». А он, черт побери, молча так в ответ улыбнулся, дескать, оставь, почтеннейший, свою мудрость при себе. Я уж пожалел, что разговор этот с ним начал.

Вообще, откровенно говоря, чем, черт побери, дряхлей становишься, тем больше нравится уму-разуму учить. Только у каждого времени свои нравы. Прежде-то, в наше время, люди были и решительней, и проще, и почтительней. А теперь? Куда ни

посмотришь: сплетники, нытики, трусы или такие, что себе на уме.

И равнодушия, черт побери, много стало. Вот, у Овлякулы, объезчика водного, что рядом со шлюзом живет, сынишка... На обочине стоит, грязный, неухоженный, рубаха на нем чуть ли не до пят. Машины мимо едут – кричит что-то, руками машет, а никому до этого, черт побери, дела нет.

На днях попросил Амана притормозить и пошел к Овлякулы. «Присмотри, – говорю, – за сынишкой, а то неровен час под машину угодит». И надо же, ребенок, которого мы за мальчишку приняли, на самом-то деле девочка, черт побери! Дуньягозель зовут. Справная была девочка, в школу ходила, да два месяца назад, когда жену Овлякулы пьяный шофер сбил, увидела мать мертвую и в один миг, черт побери, речи лишилась. С тех пор мычит только, а что – один Овлякулы разобрать может. С тех пор, как мать на кладбище увезли, стоит, ждет ее возвращения, бедняжка, и кричит всем машинам проезжающим: «Почему так быстро едете? Задавить меня хотите?» Девочка права: все мы куда-то торопимся, словно, черт побери, от погони уйти хотим. А куда бежим?... Зачем?..

Хотел девочку пахлавой угостить, что старуха мне на обед дала. Не взяла. Жаль, что не взяла. Ребята спрашивают, что, мол, сказал Овлякулы. Что им ответить? Лучше им, черт побери, вообще об этом не знать. Теперь всякий раз, как проезжаем мимо шлюза, стараюсь их от дороги отвлечь. Рассказываю что-нибудь, лишь бы не глазели они на бедняжку Дуньягозель. Жду-не дождусь, чтоб скорей закончили мы здесь работать да переехали на другое место.

Каждый живет ожиданием. Вот бедняжка Дуньягозель ждет свою маму – упаси Аллах людей от подобного ожидания! А я – чего только в голову не взбредет! – порой кажется, что и я, как Дуньягозель, жду несбыточного...

Разговор прошел, что хотят взамен той дороги, которую мы двадцать лет назад строили, новую проложить. Ну, не совсем новую... Те участки, что потом спрямляли, трогать не станут. Хоть силы и не те, что прежде, мечтаю я и на новой стройке поработать. А что?... В крайнем случае хоть одного сына на это

строительство отправлю. Умолять буду, но уговорю. Должны они меня понять.

У дорог, черт побери, тоже своя судьба есть, как у людей. А судьба всякому по его достоинствам воздает. Иная дорога год от года людям дороже, милей становится. Глядишь, машины по ней днем и ночью, туда-сюда снуют. А другая, хоть и много пота было пролито, чтоб ее проложить, не у дел остается, и скоро ее забывают. Немало мы, черт побери, таких дорог развели!

Я так думал, что обилие дорог сблизить людей должно. Но нет, не стало этого. Люди друг друга и видеть не хотят. Никому нет дела до плачущего, а уж чтобы поговорить по душам, вечно времени не хватает. Не достает моей душе прежних приятельских, задушевных разговоров. Вот, сидели мы у Бехбита... Или у Байрама я был... Мир мой сразу просторней стал! Но ведь как редко, черт побери, встречаемся!

С работы вернешься, чем заняться? Если сам не позовешь, так никто к тебе не придет посидеть, чайку попить, поговорить. Сосед мой, Непес, даже с ним теперь не посидишь, а ведь прежде чуть не каждый вечер чаевничали вместе. Дети наши вместе играли. Жил он тогда в старенькой кибитке, никаких тебе заборов, черт побери, – заходи когда хочешь. Теперь нет. Теперь дом большой, красивый, из жженного кирпича, а вокруг него забор. И одна только дорога есть – через ворота с двумя замками. Горожанам мы раньше удивлялись, что они дома свои запирают, а теперь и сами их не лучше. Я вам так скажу: чем больше замков появляется, тем меньше, черт побери, становится тропок, что прежде дом с домом связывали. А ворота какие?... Вот говорят, что зажиточней мы жить стали. Может и так. Только, черт побери, с достатком сколько замков да засовов появилось!

Пошел я на днях к Непесу. Постучался в ворота. Жду. Уже думал, дома никого нет, когда из-за ворот голос мальчишеский:

– Кто там?

– Это я, милый, сосед ваш, Шаназар-ага. Открой.

– Кто нужен?

– Непес, дедушка твой.

– Нет его, – говорит и через дырку, «глазок» называется, на

меня смотрит. – Шаназар-ага, чего надо?

– Да, ничего, – говорю. – Был бы дед дома – посидели бы, отвели бы душу разговорами.

– Как это?

– Ну, поговорили бы по душам.

– Зачем?

– Милый, – говорю, – выдь-ка ты за ворота. Что ты на меня через дырку эту смотришь. Навешали, черт побери, замков!

– Чем мы других хуже? Вы, Шаназар-ага, тоже замок купите, сейчас в магазине нашем разные замки есть.

– Сынок, я тебя вот о чем спросить хочу: отчего ты не играешься никогда. Я в твои годы, ох, любил играть. С утра до ночи в дом дозваться не могли. Возвращался затемно, весь грязный...

– Дурак я что ли, одежду марать!

Безлюдно на нашей улице. Никто не прогуливается неторопливо, никто в гости к соседу не спешит, вместе с ним чаек попить, поговорить...

Иной раз почудится, что бегут ватагой мальчишки, с криками, со смехом!..

Нет...

Тихо. Пусто.

(Конец).

Powestler